

ПРОБЛЕМЫ ПОСТКРИЗИСНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

М.И. Кротов,

Генеральный секретарь Совета Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств,
доктор экономических наук, профессор
vov@iacis.ru

В статье рассматриваются вопросы возрождения политической экономии и использования ее выводов для обоснования консервативной и либеральной антикризисной стратегии. Раскрываются задачи экономической науки и сама суть консерватизма и либерализма в экономической политике. Предлагается новый критерий классификации экономических наук и новое понимание теории консерватизма и либерализма применительно к современному этапу развития мировой и российской экономики.

Ключевые слова: посткризисная модернизация, политическая экономия, классификация экономических наук, теория консерватизма и либерализма

УДК 331.5.024.5; ББК 65.24

Проблемы возрождения политической экономии и использования ее выводов для обоснования консервативной и либеральной антикризисной стратегии оказались весьма актуальными и обсуждались в печати. При этом выяснилось, что задачи экономической науки и сама суть консерватизма и либерализма в экономической политике понимаются совершенно по-разному. Это требует уточнения классификации экономических наук, теории консерватизма и либерализма применительно к посткризисному этапу развития мировой и российской экономики и перспективам их модернизации.

О классификации экономических наук

Современная политическая экономия — наука об институтах (формальных и неформальных правилах, традициях и привычках, организациях и механизмах), определяющих поведение хозяйствующих субъектов. Выводы этой науки служат для обоснования социально-экономической политики национальных государств и их союзов, международных организаций, региональных и муниципальных органов управления, политических партий и других ассоциаций гражданского общества.

Политэкономия не монополизировала экономическую науку, поскольку ее адресатом являются не только упомянутые некоммерческие организации, призванные представлять и согласовывать интересы всех социальных групп, местного и национального общества, региональных цивилизаций, человечества в целом, но и коммерческие фирмы, и интегрированные бизнес-группы, и домохозяйства, некоммерческие общественные организации. На наш взгляд, ошибочно одну из вузовских кафедр называть кафедрой экономической теории. В научно-теоретическом обосновании и развитии нуждаются все области экономического знания: менеджмент, экономика предприятий, отраслей и сфер хозяйственной деятельности, учет и статистика и др.

Политэкономия — общественная наука, объясняющая поступки, поведение человека и созданных им социальных организаций. Поэтому она тесно связана с определенными разделами хозяйственного, гражданского и государственного права, социальной психологии и этики, промышленной социологии и других наук о поведении хозяйствующих субъектов или даже включает в себя эти разделы. Представители указанных наук

в последние годы нередко получали нобелевские премии по экономике. Предназначение политэкономии заключается в повышении эффективности и общественного доверия к проводимой государством и органами самоуправления политики, снижении риска ее негативных последствий.

Современная политэкономия исходит из того, что экономические субъекты — элементы сети институциональных взаимодействий в открытой системе, границы которой прозрачны. Эта система в процессе своей эволюции усложняется и при фазовых переходах испытывает кризис, дезорганизуется или разрушается. Превысив сроки наступления этих кризисов и уменьшив их негативные последствия, так как ее модели были линейными, не учитывали хаотических аттракторов, отклонений в изначальных условиях и поведении людей, которые в течении больших промежутков времени существенно сказываются на экономической траектории. Несходные экономические стратегии могут приводить к близким результатам, а одна и та же стратегия — к разным результатам в странах и регионах с различной институциональной средой.

Экономическая наука пока не создала надежного аппарата для описания системных фазовых переходов. Между тем экономическая система может существенно измениться, стать другой не только из-за изменения политики, но и под воздействием внешних факторов — глобальной конкуренции с транснациональными корпорациями, которые стремятся достичь монопольного положения на своем рынке — максимума энтропии, а также увеличить свои конкурентные преимущества с помощью нововведений (обмен энтропией). Не меньшее значение для развития экономической системы имеют изменения национального социального капитала — ментальности народа, трудовой морали, инновационной активности, взаимного доверия между народом и властью, а также между самими хозяйствующими субъектами.

Политическая экономия все более математизируется, используя достижения системно-синергетической теории, теории нелинейных процессов, неравновесных процессов и самоорганизации¹. В последние годы в качестве особого направления выделилась эконофизика, исследующая экономическое

развитие с позиций неравновесной термодинамики, теории протекания необратимых процессов, биологической эволюции и т.д.² Следует учесть, однако, что формулами трудно выразить нерациональное поведение (его роль исследовал нобелевский лауреат Дж. Акерлоф), психологию счастья (еще одна область современных изысканий), социологию стимулирования и теорию контрактов.

Экономическая концепция сегодня, как и раньше, включает три составные части — онтологию (объяснение происхождения и устройства системы), этику (правила поведения хозяйствующих субъектов, соответствующие принципам функционирования системы) и ритуалы (процедуру подготовки, принятия и выполнения управленческих решений). Математика необходима, но не тождественна исследованию диалектики развития.

В XX в., когда в наиболее развитых странах возобладали идеи **great moderation, конца истории конфликтов, наступления** всеобщей эры непрерывного процветания на основе рыночной самоорганизации, политэкономия оказалась ненужной, поскольку рыночные фундаменталисты — либертарианцы объявили ненужной промышленную и другую государственную экономическую политику.

Неоклассическая теория, выдвинувшая на первый план «экономикс», исходила из четырех предпосылок, существовавших в ранней индустриальной экономике, но утраченных в инновационную эпоху глобализации. В мире транснациональных корпораций нет больше совершенной конкуренции. Усилилась асимметрия информации, доступной производителям и покупателям при выпуске наукоемких товаров и услуг. Увеличились трансакционные издержки, связанные с коррупцией разросшегося государственного и корпоративного аппарата (это касается всех стран, а не только России). Глобализация, включившая в хозяйственный оборот все регионы мира, сделала обычным нерациональное поведение, некомпетентное управление, несправедливую конкуренцию.

Неоклассическая экономическая теория обобщала опыт индивидуальных хозяйств, взаимодействие которых базировалось на ценовой информации и эквивалентном обмене без участия государства. Поэтому политэкономия, проникнутая идеями коллективизма, общественного контроля и социальных, внерыночных ценностей, заменялась каталлактикой — учением об обмене³, а после выхода работы А. Маршалла «Принципы экономики» (1890 г.) — общей теорией экономики.

В конце XIX в. **законы спроса и предложения действовали** в полную силу, динамика производства и цен зависела преимущественно от двух ресурсов — труда и капитала (материальных средств производства длительного пользования). Когда возникла трудовая теория стоимости, экономический рост действительно регулировался «невидимой рукой рынка».

При переходе к постиндустриальной инновационной экономике главным фактором роста становятся нововведения, которые не только повышают производительность труда и капитала, но и возмещают их, компенсируют уменьшение отдачи капиталов. Модель экономического роста Р. Солоу (1987 г.) впервые учла как природу труда и капитала, так и технологические сдвиги, которые определяются не текущей рыночной ситуацией, а долгосрочными циклами, связанными также с развитием человеческого, социального и организационного капитала, международным разделением труда, государственной и глобальной политикой. Изменяется структура товарных рынков (растет доля наукоемкой техники, заказы на которую поступают до начала ее производства и даже разработки) и издержек. Увеличиваются экологические, социальные (воспроизводство инновационных кадров в условиях старения населения) издержки и расходы на НИОКР.

Глобальный финансово-экономический кризис подтвердил — неоклассическая теория не способна объяснить динамику глобального постиндустриального рынка. Структурные сдвиги в экономике не сводятся к кризису финансов. Общий кризис индустриальной цивилизации, гипертрофированное развитие рынка вторичных ценных бумаг и индустрии развлечений, усиление неустойчивости глобальной экономики означают, что не только монетарные методы, но и кейнсианские способы сглаживания колебаний в экономическом цикле не пригодны для интернализации негативных внешних эффектов глобализации⁴.

К такому выводу пришли Дж. Стиглиц, П. Кругман, А. Гор и другие зарубежные экономисты. Они пишут о провале принципов традиционного капитализма⁵, о том, что его следует спасти

от рыночного фундаментализма, порожденного им самим⁶. Вера в рыночную самоорганизацию поставила на колени Ирландию, которая считалась самой динамичной страной ЕС⁷, «кельтский тигр», как оказалось, плыл «на корабле дураков»⁸.

Президент Франции Н. Саркози и канцлер Германии А. Меркель, представляющие не социал-демократию, а консервативные силы, выступили против веры во всемогущество рынка. Целая серия монографий, изданных в 2009 г., показывает, что модели рыночного равновесия не позволяют построить глобальную открытую экономику⁹, прежние боги свергнуты, и слепая вера в рынок подрывает будущее США и ЕС¹⁰, порождает новые «пузыри» кризиса¹¹. Нужны новая парадигма рынка¹² и новая неортодоксальная политэкономия¹³.

Некоторые экономисты полагают, что экономику в целом и экономическую науку спасет возврат к кейнсианской государственной политике^{14,15}. Однако последние исследования нобелевского лауреата Р. Барро не подтвердили эффективность кейнсианских мультипликационных аттракторов в современных условиях.

Все это не означает отрицания роли неоклассической теории, которая создала рациональную культуру и язык экономической жизни, обогатила ее идеями прогресса, методами предельного и маржинального анализа, оценки субъективной полезности, равновесия и Парето-оптимальности. Нобелевский лауреат Дж. Гэлбрейт еще в середине прошлого века показал, что в экономике постиндустриального общества выделяются две сферы — чисто рыночная, в которой действует «невидимая рука рынка» — малый бизнес, и планируемая сфера, где доминирующие в глобальном мире крупные корпорации до начала производства определяют уровень будущих цен, готовят к их восприимчивости своих покупателей. Они все чаще ориентируются не на традиционную максимизацию прибыли, а на увеличение своей доли на национальном и глобальном рынках с использованием форм социальной ответственности, совместимых с целями общества¹⁶.

Не нужно сбрасывать с корабля современности и марксистскую, в том числе советскую, политэкономия. Она не была подлинно гуманитарной, так как не изучала реальное поведение людей и их организаций, игнорировала различия в институциональном устройстве национальных экономик, разницу в менталитете народов. Все объяснялось некими объективными экономическими законами, общими для стран, относящихся к одной общественной формации. Формации разделялись только по преобладающей форме собственности на средства производства и классовой структуре. Эволюция общества сводилась преимущественно к революциям и классовой борьбе. Деление на политэкономия капитализма, социализма и так далее себя изжило. Й. Шумпетер, один из создателей теории инновационной экономики, был прав, ответив на вопрос «может ли капитализм выжить?» — «нет, я так не думаю»¹⁷. Общественный строй, который будет создан в результате модернизации российской экономики и введения глобальных экономических стандартов, рекомендованных в 2009–2010 гг. руководителями 20 ведущих стран, не похож на капитализм в понимании классиков науки XIX–XX вв.

В то же время именно К. Маркс первым предсказал, что наука и образование станут главными производительными силами общества и займут свое место среди категорий политэкономии¹⁸.

Многие современные авторы признают, что изучение советской экономики способствовало развитию общей экономической теории, в частности таких ее разделов, как оценка экономического роста, теория управления, общего равновесия, прав собственности, стимулирования, дефицита¹⁹.

Современная политэкономия, как отмечалось на конференции «Возвращение политической экономии: к анализу возможным параметрам мира после кризиса», организованной Институтом общественного проектирования и журналом «Эксперт» в конце 2009 г., уже не сводится к традиционной макро- и микроэкономике, монетарной концепции ценообразования, конкуренции и развития²¹. Она перестала быть идеологической наукой, призванной оправдать какую-то одну форму хозяйствования²⁰. В соответствии с эволюционной теорией современная политэкономия исходит из того, что конкуренция включает не только естественный отбор, но и кооперацию, взаимопомощь и потому ведет к диверсификации типов хозяйства, позволяя суммировать их полезные свойства.

Социальные институты развиваются как неотъемлемая часть хозяйственного механизма. Политэкономия становится наукой о социо-эколого-экономических основах и следствиях выращивания институтов²¹ с учетом несовершенства мышления людей, рациональность поведения которых зависит от полноты доступной им информации. В каждой стране и даже регионе действуют специфические институты, определяющие возможности и ограничения модернизации экономики. Инновационное развитие — не внешний (экзогенный), а внутренне присущий экономической системе фактор ее устойчивости и развития. Экономические субъекты неоднородны: новаторы разрабатывают и осваивают нововведения, а остальные — лишь эксплуатируют и копируют их, а потому противодействуют модернизации, стремясь сохранить привычные социальные институты.

Прежняя классификация экономических наук базировалась на формальном признаке — широте предмета исследования. Так, К. В. Островитянов разделил общие (политэкономия), специальные (функциональные) и отраслевые экономические науки²². Относительная автономность теории и практики неоспорима: концепции теоретиков используются на практике не непосредственно, а через особые формы конкретизации знаний применительно к различным типам практики²³. При этом исследование должно начинаться с анализа практики, затем переходить к обобщению эмпирических данных и разработке экономических моделей для конкретных рынков, стран и регионов и лишь затем завершаться выдвижением новых теоретических положений. К. Маркс отмечал, что законы проявляются как тенденции. Следовательно, их можно вывести только на базе анализа больших объемов информации за длительное время, используя аппарат теории игр и синергетики как формы системной эволюции. В течении коротких отрезков времени и на материалах отдельных стран данные могут демонстрировать лишь отклонения от закономерной тенденции, служащие предметом для дискуссии²⁴.

Всякая реальность, особенно экономическая, весьма субъективна. Дерево, увиденное глазами ученого-ботаника, фермера и гуляющего туриста, — совершенно разные реальности. Выдающийся русский писатель В.В. Набоков, чей художественный мир весьма ярок и конкретен, не исповедовал диалектического материализма, но отмечал, что реальная действительность — это бесконечная последовательность ступеней, уровней восприятия, двойных донышек и потому она неиссякаема и непостижима.

Современная экономическая наука предназначена для выработки рациональных управленческих решений, поэтому основным критерием ее классификации становятся не преобладающие методы исследования (эконометрика, поведенческая экономика), а его адресат. Стратегия модернизации нуждается в выводах политической экономии международных отношений (глобалистика), региональной интеграции, государственного (макроэкономического), регионального и муниципального управления, отраслевых рынков, а также теории организаций, общественного (некоммерческого) сектора, домохозяйств (семейная экономика) и сфер хозяйствования (труд, финансы, торговля, услуги).

В Санкт-Петербургском государственном университете под руководством профессора В.Т. Рязанова с 2009 г. проводится исследование теоретической и методологической структуры экономического знания как системы связей между его элементами. Исследование показало, что фрагментация экономического знания по горизонтали (производственно-продуктовые, поведенческие и институциональные концепции) и по вертикали (теоретическое, эмпирическое и прикладное знание) обгоняла его интеграцию на базе представлений об общей структуре, онтологии связей и взаимодействий в экономической системе. Это приводит к эклектичности экономического знания, затрудняет верификацию и его использование для практического воздействия на экономику.

Как отметил К. Эрроу («Вопросы экономики», 2010, № 4), в последние годы представители различных ветвей экономической науки независимо друг от друга приходят к общим выводам. Это позволяет перейти от бесконечных и безрезультатных дискуссий между монетаристами, кейнсианцами, институционалистами и марксистами к созданию единой картины экономической реальности, включая поведение хозяйствующих субъектов, движение ресурсов и богатства, развитие экономических институтов. При этом единство представлений о пред-

мете, методе и объекте экономической критической науки достигается на основе многообразия концепций и инструментов верификации экономических знаний, синтеза эволюционной, институциональной и неоклассической теории, каждая из которых использует эксперимент и обобщение представительного практического опыта для проверки своих гипотез.

Вместе с тем экономическую теорию представляет не только абстрактный инструментальный анализ форм развития экономических знаний, но и теории экономической динамики, отраслевых рынков, экономических реформ и экспериментов. Это позволяет разработать новую модель преподавания экономической теории, развивающую критическое мышление, но не противопоставляющую экономические концепции. Данные концепции представляют этапы развития знаний, отражающие развитие и усложнение самой экономики.

Сквозь призму такого подхода, как нам представляется, и необходимо анализировать соотношение консерватизма и модернизации в российской экономике.

Совместимы ли консерватизм и модернизация?

Консерватизм имеет давнюю традицию, но содержание этого термина в разных странах понимается по-разному. В Англии родоначальниками консервативной идеологии считаются А. Джонсон и Э. Берк, которые выступали за укрепление личных свобод и парламентского контроля за расходами государства при снижении налогов и гарантиях минимума зарплат. Революция, по их мнению, порождает не свободу, а смуту, которая ликвидирует прежние институты, не создавая их эффективной замены.

Консервативную традицию продолжили и реформы «железной леди» М. Тэтчер, при которой, несмотря на забастовки, были закрыты нерентабельные угольные шахты, приватизированы British Telecom и British Petroleum, а другие компании с контрольным пакетом у государства перестали получать дотации, конкурируя с частниками на равных. Был обеспечен свободный вход и выход прошедших листинг компаний на Лондонскую биржу, в результате чего она заняла ведущие позиции в мире.

Дурную славу обрели французские консерваторы XVIII в., которые выступали против социальных преобразований, за сохранение монархии и сословных привилегий. Но это можно считать исключением. Современные же европейские консерваторы, выступая за сильное государство, укрепление семьи, брака и религии, свободу предпринимательства и приватизации, снижение налогов не возражают против регулирования рынка и твердых социальных гарантий. Эволюция, в их представлении объединяет два начала — сохранение (защита национальной экономики от неблагоприятных внешних воздействий) и изменение (этому способствует активное стимулирование нововведений). При этом без разнообразия нет отбора, а без отбора нет эволюции.

Последние выборы во Франции, Германии, Великобритании, Италии, Испании, Португалии, Голландии показали, что европейцы поддерживают политику увеличения государственных инновационных, экономических и социальных расходов (по сути дела, она является социал-демократической), борьбу с офшорными налоговыми убежищами, сохранение христианских корней европейской цивилизации. У «левых» пока нет новой политэкономической теории, объясняющей достижения и угрозы глобализации, нет теоретиков, подобных К. Марксу.

В России, с ее традициями бунта, слово «консерватизм» звучало скорее как ругательство, хотя К.П. Победоносцев, которого марксистские историки представляли в качестве реакционера, был автором лучшего в Европе Гражданского кодекса. П.А. Вяземский считал либерал-консерватором А.С. Пушкина. Девизом консерваторов столыпинского толка было: «Нам нужны не великие потрясения, а великая Россия». Д.А. Медведев в статье, опубликованной в «Financial Times» (2003 г.) заявил, что в России победил «социальный консерватизм».

Фундаментальное исследование консервативных социально-экономических учений выполнено под научным руководством Ю.Н. Солонина²⁵. В работах В.А. Ачкасова, Б.В. Грылова, В.Т. Рязанова, Ф.Ф. Рыбакова, Д.Е. Раскова, М.А. Румянцова и других показана роль консерватизма в развитии русской экономической мысли, проектах российской модернизации и экономических реформ.

Что означает консервативная модернизация с современных политико-экономических позиций?

Во-первых, прежде всего она означает качественный скачок, прорыв, фазовый переход в эволюции. Речь идет о технологическом прорыве в тех областях, где Россия находится на одном этапе с наиболее развитыми странами и может преодолеть отставание в относительно короткие сроки.

К ним относятся ракетно-космическая техника, атомная энергетика, ряд медицинских, информационных и других технологий. Технологический прорыв должен сопровождаться преобразованием институтов власти, бизнеса и всего общества. Теория эволюционной модернизации, созданная в середине прошлого века У. Ростоу и Т. Парсонсом, включает концепцию рыночного планирования и русских экономистов В. В. Леонтьева, В. В. Новожилова, Н. П. Федоренко.

Эта концепция позволяет разрешать конфликты, неизбежные при усложнении и развитии экономической системы, без революционного изменения общественного строя, за счет реформы управления, поддержки новаторов и среднего класса, устойчивого экономического роста.

Во-вторых, консервативная модернизация является ненасильственной. Инициатива прорыва исходит от власти и обычно связана с проигранной войной (реформы после Крымской войны в России и после Второй мировой в Германии и Японии) или с угрозой потери независимости и экономического краха (реформы Мэйджи в Японии, Атаюрка в Турции). Однако для успеха модернизации требуется убедить в ее необходимости и привлечь к ее осуществлению не только узкий слой элиты, но и весь народ. Нереволюционная модернизация в этом случае становится органичной и ведет к изменению институтов и менталитета нации. Иначе она сводится к копированию чужого опыта и превращается в постоянно догоняющую.

Насильственная модернизация при Петре I и при И.В. Сталине достигла своих целей. В первом случае Россия превратилась из региональной в мировую державу, во втором — советская промышленность, несмотря на потерю наиболее развитых западных районов, уже в 1943 г. обогнала Германию, на которую работала вся континентальная Европа, по выпуску танков, самолетов и ряда других видов военной техники. Однако социальные последствия такой модернизации (раскрестьянивание села в годы коллективизации, ухудшение демографии, подрыв личной инициативы и заинтересованности) оказались трагичными.

В постиндустриальной экономике насильственная модернизация не только вредна, но и невозможна. У сегодняшней России уже нет массовых резервов трудоспособного населения, да и сами люди стали другими, опыт «перестройки» сделал их более рациональными и информированными, они хорошо понимают собственные интересы и не склонны на веру принимать громкие лозунги, обещающие «сияющие высоты» далеким будущим поколениям.

В-третьих, консервативная модернизация означает использование всего лучшего, накопленного предыдущими поколениями. Благодаря преимуществам системы образования и концентрации усилий на ведущих направлениях науки, Россия в свое время стала мировым лидером по строительству мостов (во всем мире помнят имена К.С. Мельникова и С.Г. Тимошенко), открытиям в радио- и телетехнике (А.С. Попов, В.К. Зворыкин), вертолетостроению (Н.И. Камов), турбо- и котлостроению. В нашей стране появилась первая АЭС, был запущен первый спутник, построены первые реактивные и сверхзвуковые гражданские самолеты. Возрождение, сохранение и приумножение всего лучшего, что было достигнуто в дореволюционной России, в советские, и даже в «лихие» 90-е годы означает отрицание как крайне левого, так и крайне правого радикализма и экстремизма.

Российский консерватизм означает бережное отношение к культуре, сохранение традиций российской евразийской цивилизации, противодействие политикам дестабилизировать обстановку в стране ради того, чтобы освоить чужие политико-экономические модели. В мире, по оценке ведущих социальных философов, ныне насчитывается всего десяток самобытных цивилизаций. Успешные модернизации использовали их особенности как важные конкурентные преимущества, сочетая консервативное отношение к культуре с революционными решениями в политике, сохранение своей цивилизационной идентичности с решительным изменением положения дел в экономике и социальных отношениях.

М. Ганди предупреждал, что для многонаселенной Индии станет катастрофой освоение стандартов культа потребления, принятых в США. «Новый курс» Ф. Рузвельта помог избежать

слома рыночной системы и социальной революции, благодаря ориентации на развитие присущей американцам деловой инициативы и ограничение власти монополий. Нынешний Президент США Б. Обама, используя свойственные американской цивилизации методы, поддерживает науку, образование, высокие технологии, малый бизнес и в то же время усиливает контроль за финансовыми рынками, офшорными счетами и бонусами деятелей с Уолл-Стрит.

К. Аденауэр, при котором разоренная войной Германия снова стала развитой современной страной, опирался на органичные для немцев идеи организованности и дисциплины. Азиатские «тигры» сотворили «экономическое чудо», используя присущие своим народам традиции экономного потребления и интенсивного труда при строгом соблюдении предписаний власти. Китайская экономическая модель не осуществима в России, где иные структура экономической системы (основная часть китайцев живет на селе и не получает пенсий и различных пособий), менталитет населения и система принятия решений. В России 2010 г. 75% бюджета расходуется на социальные нужды, а не на развитие инфраструктуры. Иное в нынешних условиях — невозможно.

Консервативная позиция должна базироваться на таких ценностях российской цивилизации, как коллективизм, стремление к социальной справедливости, изобретательство, умение хозяйничать в трудных условиях, понимание особой роли государства в огромной по территории стране с протяженными границами, с многонациональным и многоконфессиональным населением, а также толерантность по отношению к другим нациям и религиям, которые не пришли в Россию со стороны, а являются для нее коренными.

Патриарх Русской православной церкви Кирилл («Эксперт», 2010 г., № 4) справедливо выступил против превращения самобытных культурных сообществ в аморфную массу, не помнящую о своих корнях и руководствующуюся в своей жизни бездуховными универсальными принципами. Россия, по его мнению, это — органичная часть европейской цивилизации, в то же время религиозно-культурные отличия восточной и западной частей этой цивилизации — объективная данность, порождающая красочную культурную палитру. Как отмечал Н.А. Бердяев в своей работе «Русская идея», «русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ». В душе русского народа всегда боролись два начала — восточное и западное. При этом следует учесть, что Европа сейчас стоит перед серьезным вызовом утраты собственной цивилизационной и культурной идентичности. К XXI в. здесь возникло разочарование в прежней идеологии. В духовном вакууме всеобщего релятивизма современный человек, считает патриарх Кирилл, следует скорее своим личным интересам и удовольствиям, чем каким-либо принципам. Это во многом напоминает эпоху распада Римской империи с ее утратой нравственных ориентиров.

Российский консерватизм означает отказ от догмы бесконечного роста потребления, навязываемого всем народам мира рекламой и массовой культурой, доминирующей в евроатлантической цивилизации. К сожалению, многие российские политики не понимают истинного смысла консерватизма политэкономии, противопоставляя консерватизм и модернизацию. Так И.Ю. Юргенс, — председатель правления Института современного развития, в одном из своих выступлений говорил, что консервативная модернизация — это «оксюморон, это как горячий снег» и он не верит, что консервативная модернизация возможна в тех условиях, в которые сейчас поставлена Россия (Газета.ru, 8 февраля 2010).

Ряд авторов отрицает вообще возможность модернизации России. Они, в том числе Ю.Н. Афанасьев, — известный в 1980–1990-е гг. политик считает, что Россия упустила все исторические шансы модернизации. Но даже эти ученые признают, что «Россия не провалится сквозь землю, а потому вопрос о ее модернизации, при всех историко-политических обстоятельствах, остается на повестке дня» (Новая газета, 2009 г.). К сожалению, в таком мнении он не одинок. В.Л. Иноземцев и другие экономисты считают российское общество не способным к модернизации, поскольку «мы слишком богатые и гордые, чтобы пойти в ученики» (Ведомости, 24 февраля 2010). На наш взгляд, для таких выводов нет никаких оснований: консервативно-модернизационный потенциал России огромен.

В то же время в современной России невозможна насильственная модернизация, хотя бы потому, что в начале XX в. бо-

лее трех четвертей её населения было моложе 35 лет, а к 2010 г. доля относительно молодых людей стала менее 40%. Залогом успеха нынешней модернизации является сбережение народа и развитие человеческого капитала, с опорой на лучшее в национальной культуре.

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президента Д.А. Медведева (2009 год)²⁶ содержится программа перехода России на более высокую ступень цивилизации ненасильственными методами, программа преодоления экономической отсталости (экспорт сырья в обмен на готовые изделия), тоталитаризма государственной машины, коррупции, с незапамятных времен истощавшей Россию, безынициативности и патерналистских настроений в обществе, позорно низкой энергоэффективности и производительности труда.

Такой цивилизационный скачок был подготовлен достижениями 1999–2008 гг., когда ВВП России, по оценке Всемирного банка, вырос более чем вдвое, а средняя зарплата в долларовом выражении — в пять раз. Страна избавилась от огромного государственного долга и отдалила олигархов от власти, преодолела угрозу сепаратизма и распада России. Однако 20 лет рыночных преобразований, как отметил Д.А. Медведев, не избавили Россию от сырьевой зависимости, российская экономика, как и советская, в значительной степени игнорирует потребности человека. Политическая экономия призвана обосновать пути возрождения России как мировой державы на принципиально новой основе, на базе «умной экономики», ценностей и институтов демократии.

Это предполагает широкие внутрипартийные и общественные дискуссии, качественные изменения в экономике и социальных отношениях. К ним можно отнести начавшиеся в 2010 г. преобразования в правовой системе. Преобразуются унаследованные с советских времен места заключения, где до последнего времени люди, впервые нарушившие закон содержатся вместе с рецидивистами за малозначачие, в том числе экономические преступления, не связанные с насилием. В новом законе предлагается использовать такие наказания, как взыскание недоимки, домашний арест, принудительные работы, если штраф невозможен — и так далее. Из Уголовного кодекса исключены или изменены статьи о лжепредпринимательстве и других экономических правонарушениях (эти статьи широко использовались недобросовестными конкурентами и рейдерами с помощью коррумпированных «правоохранителей»). С 2012 г. будут созданы новые апелляционные институты в судах общей юрисдикции.

Многие исследователи предлагают рациональный набор мер экономической политики, соответствующий реальному уровню национальной экономики и её институтов, а не новую радикальную шокотерапию. Они исходят из необходимости учитывать предшествующую историю страны. Меры, которые оправдали себя в этнически однородной Польше или в Китае, с его уникальной системой административного и идеологического воздействия на народные массы, в России имели бы разрушительные последствия. Консервативная политэкономия должна предложить способы создания конкурентных рынков, не подрывающих позиции государства в качестве организатора и стратега модернизации. Это позволит преодолеть провалы как рыночного, так и государственного механизма. Характер российской модернизации определяется историческими закономерностями, а не стечением случайных обстоятельств²⁷.

Действительный смысл либерализации экономики и модернизация

Понятие «либерализм» совершенно по-разному трактуется в разных странах. В США либералами считают представителей левого крыла Демократической партии, которые выступают в защиту социальных и политических прав всех групп населения, малого бизнеса против всевластия крупных монополий. Либералом считали Президент Т. Джефферсона, который в 1802 г. заявил «Если американский народ когда-либо позволит, чтобы частные банки контролировали его валюту, то банки и корпорации, которые будут процветать вокруг них, лишат людей их собственности, сначала через инфляцию, затем через рецессию». К либералам относят и нынешнего Президента Б. Обаму.

В Европе либералами считают сторонников свободного рынка, выступающих за сведение роли государства к функциям ночного сторожа, который следит за порядком, не вмешиваясь в жизнь граждан. Так полагает и лидер союза «Либеральная

хартия» А.Н. Илларионов, по мнению которого государственное вмешательство препятствует отбраковыванию неэффективных инвестиционных проектов, мешает пересмотру ошибочных решений и откладывает банкротство безответственного бизнеса, превращает неизбежный краткосрочный спад в длительную депрессию.

В России либеральные идеи скомпрометировали себя в 90-х годах прошлого века, когда новые собственники, получившие за гроши советские предприятия и право эксплуатировать природные ресурсы, стали миллиардерами, но высокотехнологичная база экономики оказалась разрушенной. «Невидимая рука рынка» примитивизировала российскую экономику и подорвала ее позиции в глобальной конкуренции.

Модель нелиберального капитализма не оправдала себя в условиях глобального кризиса. Рыночная экономика, по определению Й. Шумпетера, предполагает создание ренты (природной, административной и инновационной) и распределение этой добавочной прибыли при помощи конкуренции. Однако несовершенная, монопольная конкуренция перемещает ренту из инновационной в финансово-спекулятивную среду. В недавно вышедшей работе нобелевского лауреата Дж. Стиглица показано, как свободный рынок губит глобальную экономику²⁸. Ультралиберализм стал мировой силой, подрывающей демократию, рациональное управление и сам свободный рынок. Западная модель либеральной демократии — это либерализм для групп, обладающих значительными ресурсами, — отмечает американский экономист Р. Лахманн в своей работе «Олигархия как причина упадка в США».

Ряд российских экономистов показали, что нелиберализм «вашингтонского консенсуса» неадекватно представляет базисные категории современной политэкономии. Выход из кризиса и переход к стабильному развитию экономики требуют обращения к альтернативной системе ценностей хозяйственной жизни, которые не сводятся к максимизации прибыли. Однако это не ставит под сомнение такие базовые ценности как экономическая свобода, основанная на развитии и эффективном использовании способностей людей, их самореализации, частная собственность. По мнению классика русской литературы Л.Н. Толстого, будущее за либерализмом как «равнодействием миллионов воле». К такому выводу приходят и зарубежные исследователи.

Необходимо признать, что в России до сих пор не было подлинно либеральной экономики, свободного массового предпринимательства. В сознании многих людей либерализм все еще ассоциируется с неуправляемостью, вседозволенностью, грабительской приватизацией, разгулом олигархов и рэкетиров. Но это не так. Мэр Москвы Ю.М. Лужков прав, говоря о крушении этой порочной модели развития, на которую западные страны делали ставку многие десятилетия. Прав он и критикуя низкую социальную ответственность бизнеса, его слабую ориентированность на задачи национального развития. В то же время трудно согласиться с его призывом окончательно отказаться от монетарной политики (Российская газета, 2009.02/11).

Как подчеркнул В.В. Путин на Международном инвестиционном форуме (2009), экономика России и после кризиса останется рыночной и либеральной. Это означает: поощрение частных инвестиций, интеграцию в мировое хозяйство, формирование благоприятного инвестиционного климата, планомерное и целенаправленное уменьшение государственного вмешательства в экономику, а также широкое применение традиционных рыночных инструментов, в том числе приватизации. Одновременно требуется эффективный контроль за использованием трансфертных цен и закрытие офшоров.

В Послании Федеральному Собранию (2009 г.) Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, отметил, что: «в период кризиса роль государства в экономике возросла, хотя ничего хорошего в этом нет. Предусматривается приватизация государственных активов, но аккуратная, чтобы не разбазарить то, что принадлежит нашим гражданам, а также аудит компаний с государственным участием». В период кризиса они получили в виде кредитов, субсидий и льгот более 1 трлн рублей. Теперь неэффективные предприятия должны пройти процедуру финансового оздоровления или уйти с рынка. В этом и заключается подлинный либерализм.

Политико-экономическое исследование либерализма связано с решением трёх основных проблем. Первая из них — выбор особого российского или копирующего Запад пути развития

в условиях глобализации. По сути продолжается традиционный для России спор между западниками и славянофилами. Некоторые экономисты сводят задачи модернизации к «евроремонту», требуя преобразовать по западному образцу не только технику и дороги, но и институты власти, СМИ, дома, культуру. Они предлагают снять все ограничения для иностранного капитала в стратегических отраслях, передать ему право эксплуатации российского шельфа и важнейших месторождений полезных ископаемых.

По мнению большинства экономистов и россиян, это не будет способствовать модернизации экономики, поскольку зарубежные ТНК рассчитывают сами получать инновационную ренту, а не создавать себе конкурентов в России. Поэтому Китай, Бразилия, Норвегия не отказались от госконтроля за использованием своих природных ресурсов и не отдали их иностранцам. При радикальном либеральном варианте глобализации Россия обречена постоянно догонять развитые страны, все более от них отставая.

Россия — самостоятельная часть евроатлантической цивилизации, но механическое копирование зарубежных технологий и институтов сорвет модернизацию. При максимальной открытости и интернационализме социальной среды в постиндустриальном обществе предстоит соединить освоенные в западных странах принципы рыночного хозяйствования с исконными для России идеями социальной справедливости. По существу это означает качественный скачок, но не связанный с государственным переворотом и восстанием одного класса против других.

Необходимо создать самые благоприятные условия для иностранных инвесторов, учёных и инженеров. В 2009 г. около 320 тыс. иностранцев получили российское гражданство и в 2010 г. впервые за 15 лет число россиян вырастет. Но, если в Россию петровского времени иностранцы приезжали жить навсегда, в 30-е гг. XX в. **зарубежные специалисты помогали проектировать и строить тракторные и автомобильные заводы**, то сейчас они в основном заняты продвижением импорта. России нужны не 100%-ные иностранные заводы по отвёрточной сборке импортных узлов, а передовые технологии и, в ещё большей степени, концепции по их разработке и освоению. Примером может служить покупка лидирующей французской фирмой блок пакета акций «Трансмашхолдинга» для совместной разработки и производства локомотивов нового поколения.

Современная экономическая политика России строится на «перезагрузке» отношений с США и ЕС. В свое время Президент Т. Джефферсон сказал, что Россия остается наиболее дружественной США страной из всех стран мира, и что «нам и впредь надо добиваться её расположения. Желательно, чтобы такие чувства разделяла вся американская нация». Выступая в Российской экономической школе, Б. Обама поддержал эту идею: «Америке нужна могучая, мирная и процветающая Россия». Но нельзя забывать и слова вице-президента США Дж. Байдена (WSJ 25.07.2009), который надеется на то, что «у русских уменьшается население, увядает экономика, их банковский сектор и инфраструктура едва ли продержатся ещё 15 лет, но они преждемуже цепляться за неустойчивое прошлое».

Вторая политико-экономическая проблема — выбор наиболее подходящей для России модели демократии. Модернизация экономики невозможна без развития принципов самоорганизации и самоуправления, свободы информации, политической конкуренции. «Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обществом умных, свободных и ответственных людей», — в этом социальный смысл модернизации, подчеркнул Д.А. Медведев. Нужно освободиться от крайностей — либо свобода без границ, либо тоталитарный контроль. Как заявил Президент, любые попытки под лозунгами демократизации раскатать экономическую систему, дестабилизировать государство, расколоть общество будут пресекаться.

Формы демократии в разных странах не могут быть одинаковыми, а прямой связи между индексом экономических свобод и экономическим ростом не наблюдается. В Саудовской Аравии, ОАЭ, Катаре, Китае нет реальной конкуренции политических партий, полной свободы слова и религии, выборных руководителей регионов и муниципалитетов, но экономика развивается успешно, благодаря эффективной защите собственности и инвестиций. В демократической Франции, Англии, Украине и многих других странах губернаторы не избираются. В США они избираются с самого начала, но еще недавно, по историческим

меркам, права голоса были лишены негры, женщины, граждане, не имеющие значительного имущества. И сегодня Президентом США может стать человек, не набравший большинства голосов избирателей.

При выборе форм демократии необходимо учитывать уровень благосостояния граждан, долю среднего класса. Бедность — разновидность несвободы. Демократия в нищей стране, как говорил еще Аристотель, ведет к тирании. Успешная модернизация в Южной Корее, Сингапуре была проведена в условиях автократии или диктатуры, лишь затем появились политические свободы. В России, где пока нет конструктивной оппозиции, способной не только на критику, но и на выдвижение обоснованных экономических доктрин, замену неэффективных руководителей профессионально подготовленными кадрами, нельзя ставить телегу впереди лошади, требуя первоочередного, радикального и одновременного реформирования политической системы.

Политические и экономические реформы следует проводить одновременно, но с разной скоростью и в формах, подходящих для многоконфессиональной страны с совершенно разнородными по институциональной основе регионами. По прогнозу Калифорнийского университета Сан-Диего (США) в Европе, где уже проживает 54 млн мусульман, к 2020 г. их доля достигнет 25%, а в следующем веке превысит 50% (в Амстердаме, Марселе, Мальме это можно наблюдать уже сейчас). Для России мусульмане — не пришлые, а свои коренные граждане, однако увеличение их численности следует учитывать в политико-экономических прогнозах.

На развитие демократии в России направлены такие меры, как обеспечение доступа к информации, закон о деятельности государственных и муниципальных органов, переход к электронным формам общения граждан и предприятий с государственными органами, гарантия доступа политических партий к СМИ и участию в работе избирательных комиссий, снижение лимита для прохождения партий в законодательные собрания, упорядочение механизма долгосрочного голосования и сбора подписей для выдвижения кандидатов, реформа правовой и правоохранительной системы.

Третья базовая политико-экономическая проблема — обособление роли государства в модернизации и в постиндустриальной экономике. Инновационная экономика не должна находиться под безраздельным контролем как государства, так и крупных частных корпораций. Беспредельный и бессмысленный споры о том, следует увеличить или сократить роль государства и долю бюджетных расходов в ВВП. Изменить следует сам характер отношений государства и бизнеса.

Не подтверждается вывод радикал-либералов о том, что государство всегда оказывается худшим собственником, чем частник. Государственные нефтяные компании Норвегии, Бразилии, Саудовской Аравии и других стран являются лидерами отрасли и успешно конкурируют с другими компаниями. Тем не менее государство не должно заниматься производством товаров и услуг, которые может выпускать частный бизнес. Функция государства — выработка в сотрудничестве с бизнесом и всем обществом экономической, в том числе инновационной и промышленной политики, организация структурных сдвигов в экономике, социальная защита населения, контроль за социальной ответственностью бизнеса, производство нетоварных общественных благ, которые требуют бюджетного финансирования.

Глобальный кризис опроверг концепцию о снижении роли национальных государств. Не крупные корпорации и банки, не международные организации, а именно национальные государства разработали и осуществили антикризисные программы, которые позволили избежать развала экономики. За последние годы во всех странах, в том числе в США и странах ЕС, выросла доля сторонников активного государственного регулирования экономики. В России по данным исследования Global Scan (2009) за это высказалось 85% опрошенных, за государственную поддержку ведущих отраслей и компаний — 78%, за укрепление госбанков — более 62%. Действия государства в годы кризиса одобрило около 50% (в среднем по 23 странам — 44%, в том числе во Франции — 27%, Японии — 18%, Мексике — 9%).

При опросе специалистов 53 стран о перспективах посткризисного многополярного мира, где лидерами станут Китай, Индия, Бразилия, Россия и останутся США и ЕС, подавляющее большинство выступило за эффективное госрегулирование, а

не за возврат к либеральной модели «невидимой руки рынка». Особое значение, по мнению экспертов, приобретает развитие региональных сообществ, кластеров, борьба с сепаратизмом в многонациональных государствах, управление глобализацией с помощью разумного протекционизма.

России предстоит до 2012 г. оптимизировать объем и эффективность участия государства в деятельности коммерческих организаций. Доля правительства в их активах в среднем в мире составляет около 30%. Предстоит акционировать большинство государственных предприятий, продать часть акций нефтяных, телекоммуникационных, финансовых и других компаний. Государство не войдет в капиталы фирм, которые не смогут вернуть кредиты госбанкам, а предложит их активы на рынке.

Принципиальное значение имеет изменение с 2011 г. статуса 300 тыс. госучреждений. Большинство их станет автономными, то есть будет финансироваться не по смете, а за объем и качество выполненного госзаказа. При этом у них будет право на получение внебюджетных доходов за счет платных услуг, создания малых предприятий, фондов социального капитала, использования своей недвижимости.

Не меньшее значение имеют развитие государственно-частного партнерства, привлечение бизнеса к принятию политэкономических решений, законодательное регулирование лоббизма, сокращение разрешительных, надзорных и контрольных функций государственных органов, упрощение порядка согласования инвестиционных проектов, открытость государственных расходов, отделение власти от собственности. Разрабатывается теория эндогенной децентрализации, конфликтов и переговоров между членами сообщества государств и субъектами Федерации, которая позволит рационально распределить власть и учесть при выработке экономической политики интересы всех участников²⁹.

По образному выражению Президента Российской Федерации Д.А. Медведева — бюрократия «кошмарит бизнес», берёт под контроль СМИ, вмешивается в избирательный процесс, давит на суды. Поэтому предстоит изменить саму технологию власти, основанную на идеологии и политике принуждения, ведомственном сепаратизме, который не менее опасен, чем национально-религиозный, обновить и изменить функции чиновничества, которое в значительной мере представляет собой замкнутую касту, рассматривающую свою работу как разновидность бизнеса. Именно в разработке теоретических основ

отделения власти от собственности состоит предназначение современной политэкономии.

Таким образом, можно сделать следующие общие выводы:

1. Глобализация современного этапа экономики приводит к необходимости синтеза различных направлений экономических исследований, создания новой классификации экономических наук. Критерием последней становится уже не преобладающая в данной области знаний методика, не генезис различных концепций или широта предмета исследования, а сфера практического использования экономического знания. Современная неортодоксальная политическая экономия призвана стать ориентиром программы модернизации для федеральной, региональной и муниципальной власти, для органов управления межгосударственными экономическими союзами и регулирования международной экономики.

2. Консервативная модернизация, начатая правительством В.В. Путина, означает качественный скачок в технологическом, экономическом и социально-политическом развитии, достигаемый ненасильственными методами, без одновременного революционного изменения общественного строя, без разрушения сложившейся веками культуры, на базе ценностей, традиционных для данной цивилизации. Такой скачок происходит на основе коалиции всех социальных групп, поддерживающих модернизацию, с учетом их интересов, при активном использовании, но без механического копирования опыта других культур и цивилизаций.

3. Либеральный характер модернизации российской экономики означает развитие и эффективное использование инициативы и способностей всех членов общества, их свободную самореализацию на базе частной собственности и государственно-частного партнерства, интеграцию экономики России в мировой рынок, планомерное и основанное на прочном правовом фундаменте ограничение вмешательства государства в общественную жизнь, приватизацию значительной части государственного имущества.

В то же время возрастает роль государства в инновационном развитии экономики. Развитие самоорганизации и самоуправления, свободы информации, политической конкуренции необходимо, но вовсе не означает отказа от государственного регулирования финансовой системы, передачи власти частным монополиям, заимствования форм демократии, принятых в совершенно иных, чем в России, социальных условиях.

¹ Пригожин И.Р. От существующего к возникающему: время и сложность физических наук. — М., 1985.

² Россел-мл. Дж. Настоящее и будущее эконофизики // Вопросы экономики. — 2009. — № 11.

³ Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество. — СПб, 1996.

⁴ Данилов-Данильян В.И. Глобальный кризис как следствие структурных сдвигов в экономике // Вопр. экономики. — 2009. — № 7.

⁵ Posner R. A Failure of Capitalism: Crisis of 08 and the Descent into Depression. — Harvard University, 2009.

⁶ Bootle R. Saving Capitalism from Itself. — New York, 2009.

⁷ Ross S. The Bankers: How the Banks Brought Ireland to Its Knees, 2009.

⁸ O'Toole F. Ship of Fools: How Stupidity and Corruption Sank the Celtic Tiger, 2010.

⁹ James H. The Creation and Destruction of Value, 2009.

¹⁰ Elliot L., Atkinson D. The Gods That Failed: How Blind Faith in Markets Has Cost Us Our Future, 2009.

¹¹ Turner C. The Credit Crunch: Housing Bubbles, Globalisation and the Worldwide Economic Crisis, 2009.

¹² Soros G. The New Paradigm for Financial Markets: The Credit Crunch of 2008 and What It Means, 2009.

¹³ О'Хара Ф. Современные принципы неортодоксальной политической экономики // Вопр. экономики. — 2009. — №12.

¹⁴ Skidelsky R. Keynes: The Return of the Master, 2009.

¹⁵ Davidson P. The Keynes Solutions: The Path to Global Economic Prosperity, 2009.

¹⁶ Гелбрейт Дж. Новое индустриальное общество. — М., 1969.

¹⁷ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. — М., 1995.

¹⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс. Полн. собр. соч. Т.1.

¹⁹ Элман Л. О вкладе исследовательских работ по советской экономике в экономическую теорию мейнстрима // Вопр. экономики. — 2010. — №3.

²⁰ Журавлёв С. Улучшение теории коммунизма и капитализма // Эксперт. — 2009. — №40.

²¹ Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты: от заимствования к выращиванию. — М., 2000.

²² Островитянов К.В. Избр. произв. в 3-х т., Т.2, 1964.

²³ Фролов И. Размышления о применении экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях // Вопр. экономики. — 2009. — №12.

²⁴ Московский А. Смысл дискуссий о современных изменениях в экономической науке // Вопр. экономики. — 2008. — №1.

²⁵ Консерватизм: социально-экономические учения: Сб. статей / Под ред. А.Н. Бабаджяна. — СПб, 2009.

²⁶ Послание Федеральному Собранию Президента Российской Федерации Д.А. Медведева // Российская газета. — 2009. — №5038 (219), 13 ноября.

²⁷ Попов В. Стечение обстоятельств или историческая закономерность? // Вопр. экономики. — 2009. — №7.

²⁸ Stiglitz J. Free Markets and the Sinking of the Global Economy // Allen Line, 2010.

²⁹ Либман А. Границы, конфликты и переговоры в федерациях и сообществах государств // Вопр. экономики. — 2009. — № 9.